
МОНИКА Берг
НЕВИННАЯ
Роза
ДЛЯ ОТЦА ЛУЧШЕЙ ПОДРУГИ
18+

Моника Берг

Невинная роза для отца лучшей подруги

https://litres.ru/74752112
SelfPub; 2026

Аннотация

В полумраке домашнего бара, за бокалом выдержанного виски, взгляд Константина Корсакова — отца её лучшей подруги — прикован к маленькой татуировке алого цветка на плече Евы. Он старше, властнее и привык получать всё, на что ложится его рука с фамильным ониксовым перстнем. Одна случайная ночь у мраморной стойки запускает опасную игру на грани разоблачения, где запретное притяжение оказывается сильнее страха, разницы в возрасте и светских условностей.

Содержание

Глава 1. Полумрак мраморного бара и вкус запретного виски 4
Глава 2. Шёлк цвета шампанского и тайна на левом плече 13
Глава 3. Архивы особняка Разумовских и грозовые чертежи 21
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Моника Берг
Невинная роза для отца лучшей подруги

Глава 1. Полумрак мраморного бара и вкус запретного виски

Дождь за панорамными окнами пентхауса на Патриарших прудах шёл беззвучно, словно капли скользили не по стеклу, а по плотному бархату ночи. Наверху, в гостиной, уже затихал смех гостей, приглашённых по случаю возвращения Алисы из миланской стажировки. Здесь же, на нижнем ярусе, в полумраке домашнего бара с массивной стойкой из тёмного итальянского мрамора с золотистыми прожилками, время остановилось.

Ева Левина стояла у самого края каменной столешницы, ощущая сквозь тонкую подошву босоножек прохладу паркета из мореного дуба. Шёлковое платье-комбинация цвета шампанского на почти невесомых бретелях — наряд, который Алиса полчаса назад со смехом буквально заставила её

надеть взамен строгого брючного костюма, заявив, что в вечер пятницы реставраторам запрещено выглядеть как монахини на защите диплома.

Ева повела плечом. Тонкая бретелька скользнула в сторону, обнажая на левом плече маленькую татуировку — распустившийся бутон, в очертаниях которого переплелись лепестки дикой розы и тропического гибискуса. Она сделала её два года назад в Лиссабоне, в день, когда впервые решилась сменить скучную архитектурную чертёжную на живую реставрацию старинных особняков. Тогда ей казалось, что алый цветок на коже станет талисманом смелости, секретным знаком того, что за внешней хрупкостью и воспитанной мягкостью живёт упрямый, страстный характер. Сейчас, под прицелом одного-единственного взгляда, татуировка горела на коже живым огнём.

На краю мраморной стойки, прямо перед её ладонью, лежала свежесрезанная алая роза на длинном стебле с тёмно-изумрудными листьями — из тех редких эквадорских бутонов, которыми флористы украсили каминную залу к приезду хозяйки. Правее поблескивал гранями тяжёлый хрустальный стакан с выдержанным шотландским виски, где медленно таял крупный куб янтарного льда.

За стойкой стоял Константин Маркович Корсаков — отец

её лучшей подруги, человек, чьё имя в деловых кругах столицы произносили с осторожным почтением, а в архитектурных бюро — с затаённым восхищением.

Ему было сорок четыре. Возраст лишь резче и благороднее очертил его властное лицо: густые тёмные волосы и аккуратно подстриженная борода были тронуты серебром на висках и вдоль линии скул, отчего тёмно-карие, почти чёрные глаза под густыми бровями казались ещё глубже и опаснее. Он уже снял пиджак после официальной части ужина и остался в белоснежной рубашке тонкого египетского хлопка с закатанными до локтей рукавами и расстёгнутом чёрном костюмном жилете. На мизинце его правой руки, которой он тяжело опирался о холодный мрамор, матово поблескивал массивный золотой перстень-печатка с плоским чёрным ониксом — фамильная вещь, которую Ева замечала на его пальце ещё четыре года назад, когда они с Алисой готовились к экзаменам на первом курсе академии.

— Ты сбежала с праздника собственной лучшей подруги раньше, чем подали десерт, Ева, — негромко произнёс Константин. Его низкий, чуть хрипловатый баритон отозвался в полумраке бара мягкой вибрацией, и по спине девушки пробежала непрошеная дрожь. — Наверху играют джаз и спорят о современном искусстве. А ты стоишь здесь и смотришь на эту розу так, словно собираешься написать с неё этюд мас-

лом.

— Наверху слишком шумно, Константин Маркович, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя сердце билось где-то у самого горла. — К тому же друзья жениха Алисы уже третий час обсуждают фьючерсы и яхтенные регаты в Монако. Боюсь, мои познания в старинном лепном декоре девятнадцатого века показались им безнадёжно архаичными.

— Они идиоты, если не умеют слушать женщину, способную по одному сколу штукатурки определить век постройки особняка, — усмехнулся он одним уголком губ и сделал шаг вдоль стойки.

Он вышел из-за внутренней части бара, не сводя с неё тяжёлого, внимательного взгляда. Когда-то, в студенческие годы, Константин Маркович казался ей далёким, почти недосягаемым небожителем — строгим отцом Алисы, который изредка заезжал за ними в академию на длинном чёрном седане, сухо кивал в ответ на её робкое «здравствуйте» и уходил в свой кабинет с папками чертежей. Но за последний год, пока Алиса жила в Италии, а Ева по приглашению его главного архитектора работала над архивами особняка Разумовских, который выкупил холдинг «Корсаков Девелопмент», между ними натянулась невидимая звенящая струна. Каж-

дая случайная встреча в коридорах офиса или в библиотеке этого дома оставляла после себя странное, тягучее послевкусие недосказанности.

Константин остановился в полушаге от неё, взял со стойки стакан и слегка качнул его в пальцах. Янтарный лёд тихо звякнул о хрустальную стенку. В воздухе смешались ароматы односолодового скотча с нотами дыма и ванили, терпкого мужского парфюма с кедровым шлейфом и нежного благоухания распустившейся розы.

— Алиса сказала за ужином, что ты отказалась от стажировки в бюро Вернера в Вене, — заметил он, ставя стакан на мрамор и опираясь ладонью о край стойки совсем рядом с её бедром. — Почему? Любой выпускник твоей кафедры отдал бы полжизни за такой контракт.

— В Вене всё уже отреставрировано до идеального глянца, — тихо отозвалась Ева, поднимая на него взгляд и чувствуя, как шелковистые пряди скользят по обнажённым лопаткам. — А здесь, в вашем проекте на Малой Никитской, под слоями советской краски открылась подлинная роспись эпохи модерна. Я не могу бросить её на полпути.

— Только ли из-за росписи, Ева? — Его голос упал до полушёпота, в котором не осталось ни грана прежней отече-

ской снисходительности.

Он подался вперёд, опираясь сильной рукой с закатанным рукавом и чёрным ониксом на мизинце о мраморную плиту. Пространство между ними сжалось до нескольких сантиметров. Ева видела каждую серебристую нить в его бороде, видела, как напряглась жилка на шее у расстёгнутого ворота. Разум отчаянно твердил, что наверху, всего в одном пролёте винтовой лестницы, смеётся Алиса — её самая близкая подруга, человек, который доверял ей детские тайны и делился последним куском пирога в общежитии. Отступить сейчас было единственным разумным, спасительным решением. Но ноги словно приросли к полу, а дыхание перехватило от острого, почти болезненного притяжения.

Ещё днём в пятницу, за несколько часов до ужина, они с Алисой сидели в гардеробной на втором этаже и разбирали чемоданы из Милана. Алиса со смехом разбрасывала по велюровой оттоманке коробки из-под туфель и шёлковые платки.

— Слушай, я до сих пор не могу поверить, что мой папа лично утвердил тебя главным экспертом по живописи в особняке Разумовских! — воскликнула она, разворачивая папиросную бумагу и доставая струящееся шёлковое платье-комбинацию. — Ты ведь знаешь его характер: он обыч-

но не доверяет специалистам моложе тридцати пяти, считает всех вчерашних выпускников поверхностными мечтателями. А тут вчера за завтраком целый час рассказывал мне, как ты нашла под слоем масляной краски в бальном зале подпись итальянского мастера и каменные розы!

— Мне просто повезло вовремя заметить микротрещину на лепном карнизе, — мягко улыбнулась Ева, проводя кончиками пальцев по нежному шёлку. — К тому же Лев Игнатьевич помог подобрать правильный состав для расчистки первого квадрата.

— Ой, не скромничай! — Алиса приложила платье к плечам подруги перед высоким зеркалом в золочёной раме. — Боже, какой оттенок! С твоими волосами и этой маленькой красной татуировкой ты будешь выглядеть как героиня итальянского кино. Решено: надеваешь именно его, и никаких возражений!

— Там будут друзья Дениса, партнёры твоего отца… Может, оно слишком открытое для домашнего приёма? — с сомнением посмотрела на своё отражение Ева, замечая, как тонкие бретельки подчёркивают хрупкость ключиц и открывают алый цветок.

— Мы у себя дома, а не на заседании в министерстве куль-

туры! — безапелляционно заявила подруга, обнимая её за талию. — Хватит прятать такую красоту под глухими водолазками и рабочими халатами!

Тогда Ева уступила, не подозревая, какую роль это невесомое платье сыграет через несколько часов в полумраке нижнего бара.

Вместо того чтобы отшатнуться, она медленно подняла руку. Её тонкие пальцы дрогнули в воздухе и коснулись плотной ткани его белоснежного воротника, ощущая под подушечками жар его кожи. В этом жесте переплелись девичья робость и отчаянная, безрассудная смелость. Константин замер на долю секунды; зрачки расширились, поглотив почти всю тёмную радужку, а взгляд скользнул по её лицу к маленькой татуировке на плече, где бретелька едва удерживалась на ключице.

— Ты играешь с огнём, девочка, — глухо выдохнул он ей в приоткрытые губы, склоняясь ниже, так что его дыхание с тёплым оттенком виски обожгло кожу. — Ты понимаешь, что если я сейчас перейду эту черту, дороги назад не будет ни для тебя, ни для меня?

— Я не боюсь огня, Константин Маркович, — прошептала она, сжимая пальцами край его воротника.

— Когда мы наедине, называй меня по имени, — приказал он тихо, и его свободная ладонь легла на её талию поверх струящегося шёлка, притягивая к себе с такой властной неизбежностью, что алая роза на краю мрамора качнулась и уронила на камень первый бархатный лепесток.

Глава 2. Шёлк цвета шампанского и тайна на левом плече

Его губы остановились в миллиметре от её губ — так близко, что Ева ощутила жестковатое прикосновение ухоженной бороды и тепло мужской кожи, пахнущей сандалом и дымным виски. Пальцы Константина на её талии сквозь невесомый шёлк казались раскалёнными. Ткань цвета шампанского струилась под его широкой ладонью, не создавая ни малейшей преграды, и каждое движение отзывалось внизу живота тугой, сладкой вспышкой. Он не торопился, словно намеренно растягивал секунду на грани дозволенного, заставляя её саму осознать глубину пропасти, над которой они зависли.

Большой палец его левой руки медленно провёл вдоль её рёбер, поднялся выше, к лопатке, и скользнул к левому плечу, где на нежной коже алел миниатюрный цветок. Прикосновение загрубевшей подушечки к татуировке заставило Еву прерывисто вздохнуть и сильнее сжать воротник его рубашки.

— Когда ты её сделала? — тихо спросил Константин, не отстраняясь ни на сантиметр и рассматривая узор с сосредоточенностью коллекционера, обнаружившего подлинный шедевр. — Раньше я её не видел.

— Два года назад, в Португалии, — прошептала Ева, чувствуя, как под его взглядом плавится последняя защита. — После летней сессии. Алиса побоялась зайти в салон, а я пошла одна.

— В этом вся ты, — в его низком голосе прозвучала странная смесь нежности и тёмного, собственнического торжества. — С виду тихая, послушная девочка из хорошей семьи. А внутри — дикий цветок, который распускается только в темноте.

Он наклонил голову и коснулся губами не её рта, а именно этого маленького алого цветка на плече. Поцелуй был медленным, обжигающе влажным и властным. Мужские губы прижались к татуировке, затем скользнули выше, вдоль тонкой бретельки к чувствительной ложбинке у ключицы и вверх по линии шеи. Ева запрокинула голову, прикрывая глаза, и её длинные тёмные волосы рассыпались по его предплечью с закатанным рукавом. Второй рукой с перстнем он всё ещё опирался о мраморную стойку, запирая её в кольце между своим телом и холодным камнем.

— Константин… — выдохнула она его имя впервые без отчества, и звук этого имени в тишине бара прозвучал как признание в преступлении.

Этот шёпот сорвал последнюю печать с его сдержанности. Он поднял голову, впился взглядом в её потемневшие глаза и накрыл её губы своими. В поцелуе не было ни осторожности, ни сомнений — только долго сдерживаемый голод зре-

лого мужчины, который слишком много месяцев наблюдал за ней издалека, слушал её голос на совещаниях, ловил аромат её духов в коридорах собственного дома и убеждал себя, что она — ровесница его дочери, запретная территория, к которой нельзя прикасаться даже в мыслях.

Ева ответила с такой отчаянной искренностью, что у него перехватило дыхание. Её ладони скользнули с воротника на расстёгнутый чёрный жилет, ощущая под тонкой тканью литые мышцы груди и тяжёлые удары его сердца. Он целовал её так, как целуют в последний раз перед долгой разлукой: глубоко, с нажимом, прикусывая её нижнюю губу и тут же заглаживая укус языком. Вкус старого виски кружил голову сильнее любого вина. Ева слышала собственный сдавленный стон, вырвавшийся куда-то в его рот, и не узнавала свой голос.

Холодный оникс его перстня коснулся её обнажённой спины, когда он прижал её к себе вплотную, приподнимая так, что она едва касалась носками босоножек пола. Камень на его пальце прошёл вдоль позвоночника — медленно, почти изучающе, — и от этой прохлады по коже рассыпались мурашки, а между ног стало горячо и влажно. Ева подалась бёдрами вперёд, сама не отдавая отчёта, и Константин глухо застонал ей в губы, отвечая на это невольное движение тем, что вжал её в мрамор бедром.

— Господи, — выдохнул он, отрываясь на секунду и упираясь лбом в её лоб. Дыхание у него было тяжёлым и рва-

ным. — Ты хоть понимаешь, что делаешь со мной, Ева? Я год смотрел на тебя и держал руки при себе. Год, как идиот.

— А сейчас? — прошептала она, глядя в его расширенные зрачки и водя пальцами по расстёгнутому вороту рубашки, где виднелись тёмные волосы на груди.

— А сейчас уже не могу, — признался он хрипло и снова поцеловал её, теперь коротко и жёстко, словно ставя точку. Его рука легла на её бедро, собирая шёлк платья в горсть и задирая подол выше колена, и Ева почувствовала, как её собственные ноги подгибаются.

Терять ощущение пространства и времени было сладко и страшно. Ева растворялась в терпком жаре его объятий, как вдруг сверху, со стороны винтовой лестницы, донеслись звонкие каблуки и знакомый серебристый смех:

— Ева! Ну где ты спряталась? Денис привёз виниловые пластинки из Лондона, мы ищем тебя по всему дому! Пап, ты не видел Еву внизу?

Голос Алисы прозвучал как выстрел. Ева вздрогнула всем телом, словно её окатили ледяной водой, и пальцы мгновенно разжались на его рубашке. Константин среагировал с молниеносной хладнокровностью человека, привыкшего управлять кризисами любого масштаба. За долю секунды он отступил на шаг, плавным движением поправил соскользнувшую бретельку платья на её плече, скрывая татуировку под рассыпавшимися волосами, и вернулся за мраморную стойку, беря в руку стакан с янтарным льдом. Только побелевшие

костяшки пальцев, сжимавших хрусталь, да тяжёлый блеск глаз выдавали бурю, бушевавшую внутри него.

В субботу днём, в читальном зале исторической библиотеки, Ева неожиданно встретила бывшего однокурсника Кирилла Морозова, который теперь работал младшим архитектором в коммерческом бюро. Он обрадовался и предложил выпить кофе в буфете на первом этаже.

— Слышал, ты ведёшь реставрацию особняка Разумовских у Корсакова, — с нескрываемой завистью сказал Кирилл, размешивая сахар в бумажном стаканчике. — Говорят, Константин Маркович на совещаниях за малейшую ошибку в чертежах увольняет подрядчиков без выходного пособия. Как ты выдерживаешь его тяжёлый взгляд? У нас в бюро рассказывают, что когда он стучит своим перстнем с чёрным ониксом по столу, даже главные инженеры бледнеют.

Ева опустила ресницы, чтобы скрыть вспыхнувший в глазах огонь: перед внутренним взором тут же возник тот самый перстень, который прошлой ночью скользил по её обнажённой спине.

— Константин Маркович требователен к тем, кто халтурит, — спокойно ответила она, поправляя воротник свитера, под которым на плече горела невидимая посторонним татуировка. — Но если человек предан делу, лучшего руководителя и защитника проекта не найти.

— Ну не знаю, — усмехнулся однокурсник. — К нам на прошлой неделе приходили рекрутеры от Артура Громова

из «Громов Капитал», переманивали специалистов и намекали, что у Корсакова этот особняк скоро отберут через градостроительный комитет. Слушай, а давай сходим сегодня в кино или в новый бар на Покровке? Ты ведь ни с кем не встречаешься со времён диплома?

— Прости, у меня очень много работы на эти выходные, — мягко, но твёрдо отказалась Ева.

Вернувшись к книгам, она с поразительной отчётливостью поняла, почему все ровесники вроде Кирилла теперь казались ей плоскими, незрелыми мальчишками. После того как её губ коснулся властный мужчина с благородной проседью, после того как она ощутила вкус его виски и силу его рук, ни один другой мужчина в мире просто перестал для неё существовать. Пусть это притяжение было запретным, пусть грозило тысячью опасностей и муками совести перед Алисой — сердце уже сделало выбор.

Пока они поднимались с Алисой по винтовой лестнице, Ева чувствовала, как под тонким шёлком всё её тело продолжает дрожать. На губах всё ещё горел отпечаток поцелуя, а на левом плече кожа хранила влажный жар его дыхания. В шумном зале Денис тут же протянул ей бокал игристого и принялся рассказывать о закрытом аукционе антикварной мебели в Сотбис, но Ева видела перед собой только тёмные глаза Корсакова и холодный блеск чёрного оникса на его мизинце.

Через четверть часа в дверях появился и сам Константин.

Он уже набросил пиджак поверх жилета и держался с такой безупречной невозмутимостью, что никто в комнате не заподозрил бы, какая буря только что бушевала внизу. Остановившись у камина рядом с партнёрами, он лишь однажды перевёл взгляд через весь зал и посмотрел прямо на Еву. В этом коротком, тяжёлом взгляде из-под густых бровей было столько собственнической власти и молчаливого напоминания об их тайне, что Ева поспешно поставила бокал на поднос официанта и под предлогом позднего часа начала прощаться.

— Ну куда ты так рано? — огорчённо вздохнула Алиса, провожая подругу в холл. — Оставайся ночевать! Твоя гостевая спальня всегда готова, утром позавтракаем все вместе на террасе, как в студенческие годы!

— Не могу, правда, — Ева застёгивала пуговицы пальто непослушными пальцами. — Мне завтра к девяти в лабораторию института реставрации, мы ждём результаты спектрального анализа пигментов со сводов. Если останусь, мы проболтаем до рассвета.

Когда Алиса сбежала по последним ступеням, она увидела совершенно невинную картину: отец спокойно стоял за стойкой, доливая минеральную воду в бокал с лимоном, а Ева опиралась о край мрамора рядом с алой розой, чуть раскрасневшаяся после душного вечера.

— Вот вы где! — рассмеялась Алиса, обнимая подругу за плечи. — Пап, ну зачем ты мучаешь её разговорами о работе

даже в пятницу ночью? Ева, на тебе лица нет, щёки горят!

— Мы обсуждали сводчатые потолки второго этажа особняка Разумовских, — ровным тоном ответил Константин, протягивая Еве бокал с ледяной водой и глядя прямо в её глаза поверх головы дочери. — Ева считает, что там скрыта оригинальная позолота. И, признаться, её аргументы весьма убедительны.

— Ох уж эта ваша реставрация! — махнула рукой Алиса, увлекая подругу к лестнице. — Пойдём скорее наверх, иначе я сама выпью всё шампанское!

Уходя, Ева на секунду обернулась: Константин стоял в полумраке бара, поднеся к губам стакан, и его взгляд обещал, что этот разговор только начался.

Глава 3. Архивы особняка Разумовских и грозовые чертежи

Утро понедельника встретило Москву низким свинцовым небом и запахом мокрого известняка во внутреннем дворе особняка Разумовских на Малой Никитской. Две ночи после вечера в баре Ева практически не спала: стоило закрыть глаза, как на губах снова оживал дымный вкус виски, а кожа на левом плече начинала покалывать от воспоминания о его поцелуе. Чувство вины перед Алисой боролось с непреодолимым, почти болезненным желанием снова его увидеть. Чтобы заглушить дрожь, она приехала на объект к восьми утра, задолго до бригады, надела рабочий льняной халат поверх тёмной водолазки и поднялась на леса под куполом бывшего бального зала.

На высоте четырёх метров пахло старой гипсовой лепниной, олифой и вековой пылью. Вооружившись хирургическим скальпелем и мягкой беличьей кистью, Ева миллиметр за миллиметром снимала поздние наслоения серой краски с углового медальона. Под лезвием проступал изумительный растительный орнамент работы мастеров конца девятнадцатого века — переплетённые стебли каменных роз, некогда покрытые сусальным золотом. Работа всегда спасала её от смятения, возвращая мыслям ясность и строгую геометрию

линий, но сегодня руки едва заметно подрагивали.

Тяжёлая дубовая дверь внизу скрипнула, и по гулкому паркету пустого зала раздались уверенные, размеренные шаги. Ева даже не посмотрела вниз — она узнала бы эту походку из тысячи. В дверях стоял Константин. В утреннем сером свете, падавшем сквозь высокие арочные окна, он выглядел ещё более властным и собранным, чем в ночном полумраке: тёмно-угольное кашемировое пальто расстёгнуто, под ним — безупречный жилет и белая сорочка, а серебристая проседь придавала ему сходство со старинным портретом венецианского дожа.

— Спускайся вниз, Ева, — негромко произнёс он, останавливаясь у подножия металлических лесов и закладывая руки в карманы. — Конструкции на западной стене ещё не прошли повторную экспертизу инженеров. Я не потерплю, чтобы ты рисковала здесь в одиночку.

— Доброе утро, Константин Маркович, — суховато отозвалась она сверху, не спеша откладывать скальпель. — Леса закреплены по всем правилам, а до прихода рабочих у меня есть ещё сорок минут тишины.

Вместо ответа он снял пальто, небрежно перебросил его через козлы и с неожиданной для человека его статуса лёгкостью поднялся по узкой металлической лестнице прямо на верхний настил. Доски под его весом глухо скрипнули. На узкой площадке вдвоём оказалось невыносимо тесно: Еве пришлось прижаться спиной к рельефной стене, чтобы

не коснуться его груди. От него пахло утренним морозным воздухом, крепким эспрессо и тем самым древесно-пряным парфюмом, который преследовал её во снах все выходные.

— Ты избегала меня с пятницы, — констатировал он, останавливаясь перед ней и опираясь рукой с перстнем о перекладину ограждения. — В субботу Алиса звала тебя на завтрак к нам в загородный дом, но ты сослалась на мигрень.

— Это было благоразумно, — тихо сказала Ева, глядя на пуговицу его чёрного жилета, потому что смотреть в глаза было свыше её сил. — То, что произошло в баре… это была ошибка. Мы оба выпили лишнего, была поздняя ночь. Алиса — моя лучшая подруга. Она любит вас, она верит мне как сестре.

— Ты не выпила ни капли алкоголя в пятницу, Ева, — жёстко и тихо перебил он, и его пальцы легли под её подбородок, заставляя поднять голову. — А я пью этот виски двадцать лет и ни разу не терял от него рассудка. Не лги хотя бы нам двоим.

Его взгляд приковал её к месту. Вблизи, при дневном свете, не было ни полумрака, ни музыки, ни бокалов — только суровая, обнажённая правда того притяжения, которое искрило между ними даже здесь, среди строительной пыли и старых чертежей.

— Что вы хотите от меня услышать? — с горечью выдохнула она. — Что я все выходные думала только о том, как ваши руки касались меня? Да, думала! Но между нами два-

дцать два года разницы и ваша дочь, для которой такое предательство станет ударом!

Лицо Константина на мгновение помрачнело; в глубине зрачков мелькнула тяжёлая, выстраданная тень. Он провёл большим пальцем по её нижней губе, стирая крошечную пылинку позолоты.

— Думаешь, я не проклинал себя за это последние полгода? — глухо спросил он. — Я старше тебя вдвое, Ева. Я строил империю, терял близких, хоронил друзей и был уверен, что внутри давно всё выгорело до холодного камня. А потом ты пришла в мой дом со своими тубусами и горящими глазами, и весь мой выверенный порядок рухнул к чертям.

Он наклонился и поцеловал её — коротко, но так, что у Евы подкосились ноги и она вцепилась в его жилет обеими руками. Строительные леса тихо скрипнули под ними, и Константин, не прекращая поцелуя, придержал её за поясницу, прижимая к себе. На узком настиле на высоте четырёх метров, над пустым залом с ободранными стенами, это ощущалось до неприличия интимно: она чувствовала каждую линию его тела, каждое движение мышц под тонким хлопком рубашки, и когда он наконец отстранился, оба дышали так, словно поднимались бегом на десятый этаж.

— В четверг вечером, — сказал он, и голос у него был сорванный. — Галерея «Бельведер», закрытый приём фонда. Ты идёшь туда как ведущий эксперт проекта. Алиса тоже будет — с Денисом. И там мы впервые за неделю сможем хотя

бы час пробыть в одном зале.

В тот понедельник Ева провела в химической лаборатории института реставрации почти три часа. Вместе с заведующей, Верой Павловной, они исследовали под электронным микроскопом крошечные чешуйки лазурита и сусального золота, взятые со сводов бального зала.

— Посмотрите на этот срез, Женя, — взволнованно говорила пожилая исследовательница, поправляя очки. — Это подлинная венецианская смальта и листовое золото девятьсот шестидесятой пробы на чесночном полименте! Такую рецептуру в Москве конца девятнадцатого века использовала только артель братьев Пашковых по личному заказу семьи Разумовских. А в той фальшивой бумажке, которую эксперты Громова пытались протащить через комиссию, утверждалось, будто это дешёвая бронзовка советского времени!

— Значит, у нас на руках неопровержимое лабораторное доказательство, — глаза Евы заблестели от азарта. — Подпишите, пожалуйста, официальный протокол спектрального анализа в двух экземплярах. Один отправим в архив министерства, второй я возьму на приём в «Бельведер».

Выходя из здания лаборатории в морозные сумерки, Ева сразу увидела у обочины тёмный представительский седан с водителем Корсакова Сергеем. Не успела она подойти к дверце, как стекло заднего окна опустилось: в салоне сидел Константин, просматривая документы на планшете.

— Садись, Ева, — негромко сказал он, откладывая план-

шет, когда она опустилась на кожу рядом. — Я освободился на полчаса раньше и решил заехать за тобой лично. Как результаты проб?

— Полная победа, Константин Маркович, — она протянула ему папку с гербовыми печатями лаборатории. — Венецианская смальта и подлинное сусальное золото девятнадцатого века. Теперь ни одна комиссия не посмеет поставить под сомнение ценность плафона.

Константин принял папку, но прежде чем открыть, его широкая ладонь накрыла её прохладные пальцы и медленно сжала.

— Мы сейчас одни в машине за перегородкой, Ева, — тихо напомнил он, и тёмный взгляд скользнул по её раскрасневшимся с мороза щекам. — Кажется, в пятницу я просил забыть про отчество, когда рядом нет посторонних.

— Хорошо… Константин, — прошептала она, чувствуя, как от одного прикосновения тёплой руки по телу разливается знакомая сладкая слабость.

Он не отпустил её пальцы. Наоборот — поднял её руку и поднёс к губам, целуя костяшки, потом внутреннюю сторону запястья, где билась жилка. Шофёр был отгорожен стеклом; город за тонированными стёклами плыл серыми сумерками, и Ева впервые за три дня позволила себе расслабиться, откинувшись на кожу сиденья и глядя на его склонённый профиль.

— Наверху, на лесах, — тихо сказала она, — вы сказали,

что всё выгорело до камня. А сейчас?

— А сейчас горит, — ответил Константин, и в его низком голосе не было ни капли светской учтивости. — И я, чёрт возьми, не знаю, что с этим делать.

После того как он уехал на совещание, в зал вошла бригада мастеров во главе со старым позолотчиком Львом Игнатьевичем, у которого Ева когда-то писала дипломную работу. Пожилой мастер внимательно посмотрел на ученицу сквозь стёкла очков и покачал головой:

— Что-то ты бледная, голубушка, а глаза горят, будто в лихорадке. Уж не простудилась на сквозняках под куполом? Или заказчик наш, Константин Маркович, снова сроки жмёт?

— Всё в порядке, Лев Игнатьевич, — поспешно улыбнулась Ева, пряча в карман халата конверт с приглашением. — Наоборот, он полностью поддержал наше решение восстанавливать подлинную позолоту и не пускать сюда подрядчиков с синтетическими смесями.

— Надо же, — уважительно протянул мастер, раскладывая книжечки сусального золота. — А ведь поначалу я боялся, что «Корсаков Девелопмент» поступит как все нынешние девелоперы: сдерут лепнину, зальют бетоном да сдадут под очередной банк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.